

Директор и руководитель иконологической Школы «Просопон»,
Владислав Львович Андреев.

Воспоминание

*Стоять в Традиции и помнить прошлое – это
возможность заглянуть в свое будущее.*

Именованье "учитель" принадлежит не тому, кто обучает ученика ремеслу технического исполнения, но тому, кто сумел открыть в ученике внутрений мир, кто смог поднять в ученике волну художественных образов и явить мир искусства как культуру его жизни.

Такое событие и случилось со мною, когда я первый раз пришел в Детскую Худ. Школу, в класс Георгия Николаевича Антонова. Он сумел раскрыть внутреннее содержание моей Души, и огонь настолько сильно и внезапно вспыхнул, что то творческое пространство, в котором соединились внешние и внутренние смыслы моего существования, никогда больше не закрывалось никакой завесой.

Знакомство с искусством, в раскрытии которого сыграл глобальную роль Г.Н. , имеет для меня значение "чуда". Мое детство - война и послевоенная бедность. Способностей к рисованию, можно сказать, у меня не было, и если что-то рисовал, то это были изображения танков, самолетов и пушек. О существовании художественных музеев я до 15 лет вообще не знал. Когда закончил "семилетку", то, не зная что дальше делать, я, по совету друга, подал документы и, вместе с ним, поступил в ремесленное училище, на специальность токаря. Это было "начало" моего странного вхождения в жизнь, ибо даже малейшего расположения к технике у меня не было от рождения, и любой ремонт вещи заканчивался ее поломкой. С таким "талантом" я поступал в техническое училище. И далее мое детское "чудо" начинается с полного преобразования ума и сердца. Однажды, перед самым началом занятий в ремесленном училище, к нам домой зашел мамин старый приятель и сказал ей: "Слушай, я слышал, что в таврической детской худ. школе объявлен дополнительный набор. Может мы его отправим учиться рисованию?" Откуда у него возникла такая мысль, мне и до сих пор непонятно. Он отвел меня на Таврическую улицу. Нас встретил "строгий", как мне показалось, мужчина, но добродушно и с некоторым юмором он предложил мне нарисовать натюрморт, поставленный для экзамена. Я дрожал от страха, ибо, во первых, вообще боялся всяких экзаменов, во вторых, не понимал что от меня требовалось, ведь с натуры я никогда не рисовал. Мужчина подбодрил меня, дал лист хорошей бумаги (такой у меня никогда и не бывало) и карандаш. Мое первое и сильное испытание, я как будто вошел в новое измерение, а "мужчина" стал моим любимым учителем. Г.Н. одобрил мой набросок «натюрморта», и я стал учеником этой удивительной школы. Это чудесное событие случилось в конце 1952 года, когда мне было 14 лет.

Занятия в школе проходили три раза в неделю, но новый мир, который открылся мне был настолько интересен, что я попросил учителя приходить в школу каждый день. Так под руководством Г.Н. я воспитывался и приручался к художественной сфере в течении четырех лет. Это время - лучшее из моей жизни, оно проходило в каком-то упоительном экстазе между рисованием и общением с учителем. Г.Н. обладал огромной способностью полусутья входить в интересы детей и незаметно поднимать в них дух, приобщая к культуре, воспитывая и повышая в них интерес к пониманию, привлекая к умению жить и творить. Когда мы писали красками или рисовали карандашом – это не был труд. Казалось, что все так естественно и само по себе выходит. Он никогда не критиковал, но аккуратно подсказывал как было бы лучше. Он умел незаметно, не навязывая указать ученику на общие положения рисунка или цвета, а в композициях развивал способность к сказочному воображению. И вообще у него был развит интерес к поэтически-сказочным сюжетам, мир, который и мы с увлечением принимали. Композиционные классы были самыми интересными и живыми. Он рассказывал загадочные истории и всегда с долей шутки направлял детское воображение к творческому осмыслению, заставляя мыслить образами и всегда с раскрытым интересом к теме. Г.Н. был всегда жизнерадостный и непременно с шуткой всевозможных сравнений на устах. В нем самом и в методе его преподавания формального почти ничего не было. Иногда он казался нам просто старшим другом. Но совмещение сказочности, простоты и всегда шутливого настроения в его обращении к нам, увлекало наше воображение и заставляло входить в тонкости художественного ремесла, совсем не по-детски.

Я старался как можно больше быть с ним и кроме класса. Особенно прекрасные и интересные состояния были на пленэрах, и на рыбалке. Он всегда внимательно относился не только к качеству художественного исполнения, но и к настроению ученика. Однажды мы целый день писали этюды на природе, у меня денег не было, чтобы подкрепиться, и вдруг Г.Н. приносит и угощает бутербродом и стаканчиком с мороженым. Я иногда летом приезжал к нему на «дачу» и жил некоторое время с ним в деревне. Он был "заядлый" рыболов, предпочитал спиннинг пассивной ловле на удочку. Когда попадалась мелкая рыбка, он аккуратно снимал ее с крючка, грозил ей пальцем и выпускал в воду. Сентименты он не любил. Однажды он попросил меня накопать червей и, увидев как я брезгливо морщусь, сурово посмотрел на меня. Ведь он был на войне и видел многое из неприятного. Я понял и переборол себя. Он умел и над «странностями» ученика посмеяться, но так, что никто не обижался.

После четырех лет обучения в худ. Школе я был переведен без экзаменов в Таврическое училище. Там, конечно, уже было не то состояние и преподавание было заурядным и неинтересным. Я еще ходил к Г.Н. за советами, особенно по творческим композициям, и он значительно углубил мое понимание принципов искусства и вообще творчества. В то время я увлекся вопросами религии и видел насколько светское искусство оторвано от этих вопросов, как оно неудовлетворительно для души, которая кроме красоты ищет еще и смысл существования. Проучившись полтора года, я ушел из училища и провел несколько лет в скитаниях, пытаюсь найти ту возможность, где совмещается искусство и

религия. Этот ответ я нашел в Иконе. Мои скитания прервали общение с Г.Н., но я постоянно носил в душе ту жемчужину из мира открытий, которую во всем сказочном волшебстве детства, показал мне Учитель. Все мои будущие достижения в области иконографии и иконологии, безусловно исходили из той творческой базы, которую заложил в моем детстве и юношестве Г.Н. Антонов. Благодарность человеческая мало имеет сил, но я прошу все силы Небесные и самого Господа благословить Душу Георгия и простить ему его согрешения, за великую любовь его к Искусству и человеку, которую он, в учительском служении, отдавал всем бескорыстно, как настоящий Мастер.

В своей жизни я встретил трех человек, которых могу назвать своими учителями по высоте мастерства, и которые воистину достойны называться «мастерами» своего Слова.

1) Г.Н. Антонов - научил меня видеть природу в ее метафизически-сказочной красоте, и полюбить искусство, как метод раскрытия собственной жизни. Он учил никогда не ждать вдохновения, но черпать его постоянно из глубин собственного мироощущения. Творчество – это опыт явления красоты, через которую художник познает и себя, и природу. Видеть мир в творческом аспекте искусства, это быть в открытом потоке энергий, льющихся с эстетической стороны нашей Души, и это значит быть художником в любом событии своей жизни. Так учил Г.Н. Антонов.

2) Архимандрит, отец Алипий, настоятель Псково-Печерского монастыря, будучи сам художником и иконописцем, открыл мне мир религиозного искусства. Он показал меру целостного видения, когда понятия «материи» и «духа» не расходятся, и «жизнь» видна как неразрывная связь художественного символизма с религиозным. Художественный символизм возрос и был осознан в общении с учителем Г.Н., а религиозную символику искусства на примере иконописи, разъяснил мне о. Алипий. Икона, написанная на доске раскрылась передо мною как символ моего внутреннего религиозного содержания, ибо человек есть живая Икона, он сотворен «по Образу и Подобию Божию». Видеть мир в творческом аспекте религиозного искусства, это значит открыть поток сакрального Света нашей взрослой, ноэтической Души. Такое, новое преображение произошло во встрече и общении с О. Алипием.

3) Галина Франциевна Ковако – она не была ни художником, ни иконописцем, но открыла мне смысл понятия «личности» как таковой, и вручила мне ключ основного принципа существования. Он столь же прост, как и глубок: «необходимо всегда быть Человеком». Быть «человеком» - это значит овладеть искусством жить. Назначение человека соответствовать «художественному и религиозному образу». Эти два принципа творчества открыли мне Георгий Николаевич и архимандрит Алипий, а необходимость быть «человеком» в любом состоянии творчества, это значит соответствовать «подобию Божию». Высокий принцип «человечности» я воспринял от Галины Франциевны.

Мне кажется, что каждый из них обладал всеми тремя достоинствами Души: художника, иконописца и человечности. Мир душам их и вечная наша искренняя память и благодарность. Аминь.